

УДК 82.091

**«ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ ЕГО КОМНАТЫ»:
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА
«ОБЛОМОВ»**

Л.А. Сапченко

*Ульяновский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
г. Ульяновск, 432071, Россия*

Аннотация

В статье отмечается, что сюжет путешествия в наследии И.А. Гончарова, связанный, казалось бы, только с книгой путевых очерков «Фрегат “Паллада”» (1855–1857), на деле присутствует и в романах писателя, будь то «Обыкновенная история» (1847), «Обломов» (1859) или «Обрыв» (1869), как тема/мотив, символический образ или идеальная форма человеческой активности.

Автор статьи показывает, что «Обломов» имеет жанровые признаки «антипутешествия» – роман о человеке, который «не поехал»: не совершил вояж по Европе, не отправился на воды, не съездил в Обломовку, не сдержал обещания прибыть в Париж.

Художественное целое романа представлено в статье как развитие и претворение сентименталистской традиции и отчасти как трансформация известной книги К. де Местра “*Voyage autour de ma chambre*”, написанной в 1794 г. Общность двух созданий обнаруживает себя на уровне жанра, центрального героя и сюжета, в системе персонажей и образно-символическом строе.

Для осмысления жанрового своеобразия романа «Обломов» наиболее важно, что традиция сентиментального путешествия с его редукцией внешнего пространства, минимизацией передвижения и актуализацией внутреннего мира, а кроме того, ирония, характерная для стернианской разновидности сентиментализма, оказываются близкими И.А. Гончарову.

Принятый у исследователей вариант перевода с французского заглавия книги К. де Местра «Путешествие *вокруг* моей комнаты» (в отличие от дословного «Путешествие *по* моей комнате») не замыкает героя в пространстве его жилища, а выводит в безграничный простор воображения.

Ключевые слова: жанр путешествия, «антипутешествие», стернианская разновидность сентиментализма, «Путешествие по моей комнате» К. де Местра, «Обломов» И.А. Гончарова, претворение традиции

Сюжет путешествия в наследии И.А. Гончарова, связанный, казалось бы, только с книгой очерков «Фрегат “Паллада”» (1855–1857), на самом деле присутствует и во всех трёх романах писателя: «Обыкновенная история» (1847), «Обломов» (1859) и «Обрыв» (1869), являя себя то как тема или мотив, то как символический образ или как идеальная форма человеческой активности.

«Как прекрасна жизнь, между прочим и потому, что человек может путешествовать!» – отмечает 18 января 1853 г. Гончаров (ФП, с. 89). В его творчестве возможность (и способность!) путешествовать – это норма жизни, идеал, соотносимый, как обычно у писателя, со сменой культурно-исторических эпох.

Произведения Гончарова нередко связаны с известными литературными мотивами и образами, которые присутствуют в виде прямых или скрытых аналогий. Они устанавливают масштаб измерения героя или эпизода, выводят его за рамки конкретной ситуации, придают ему символическое значение и соотносятся с определёнными культурными эпохами и стилями. В «Обломове», например, мы найдём образы просветительского, романтического и «прозаического» путешествий.

Проблема жанрового своеобразия путешествий, поставленная в трудах крупнейших литературоведов на материале творчества Н.М. Карамзина, В.В. Измайлова, Ф.Н. Глинки, А.Ф. Вельтмана и др., продолжает оставаться актуальной (см. [1–5]). При этом учёные, со ссылкой на работу Т. Роботи «Литература путешествий», отмечают, что «прочная традиция сюжетных и стилистических приёмов жанра “путешествий” поддавалась пародии» [1, с. 299], служила материалом для «игры» с содержанием и формой.

Нередко жанр путешествия использовался «для создания разных комических эффектов (вроде “Путешествия вокруг моей комнаты” Ксавье де Местра, который подражал Стерну)» [6, с. 263].

Своеобразное продолжение этой традиции находим в уже упомянутом нами выше романе «Обломов». Круг детского чтения Ильи Ильича – писатели-просветители (Виланд, Гердер, Фенелон и т. д.) (О, с. 155). Этот список (в частности, «История Агатоны» или «Путешествие Телемака») имеет некую общую основу: путешествие и просвещение молодого героя, его знакомство с миром, формирование его знаний и моральных убеждений.

Штольц пытается напомнить другу об их юношеских планах завершить своё образование путешествием: «изъездить вдоль и поперёк Европу», увидеть шедевры мирового искусства, «гравюры рафаэлевских мадонн, Корреджиевой ночи», взглянуть на Аполлона Бельведерского... (О, с. 184).

Но Илья Ильич не совершил даже необходимую для поправки дел в родовом имении поездку. А значит, «Обломов» можно определить как роман о человеке, который «не поехал»: не совершил с другом путешествие по Европе, не отправился на воды, не побывал в Обломовке, не сдержал обещания приехать в Париж...

В «Обломове» путешествие предстаёт как метафора наполненной, деятельной, осмысленной жизни, а несостоявшиеся планы главного героя становятся выражением нереализованных возможностей, погубленной свободы.

«Как ни странно, деятельность оказывается неблагоприятной темой для автора, тогда как неспособности героя встать с постели уделяется около двухсот страниц. Так что же более интересно, более нарративно в романе – путешествие или бездействие?», – задаёт вопрос современный исследователь [7]. Другими словами, художественное целое романа включает в себя своего рода «антипутешествие», что представляет собой развитие сентименталистской (стернианской) традиции и отчасти трансформацию известной книги К. де Местра

«Путешествие по моей комнате» (“Voyage autour de ma chambre”) (далее – «Путешествие...»), которая вышла в Турине в 1794 г., а спустя некоторое время была, в 1802 г., переведена В.С. Кряжевым с французского языка на русский (ППМК).

Общность двух созданий обнаруживает себя по-разному: на уровне центрального героя и сюжета, в системе действующих лиц и образно-символическом строе.

Во-первых, у обоих писателей главный персонаж окрашен авторской иронией и имеет комического двойника – слугу.

Во-вторых, и у И.А. Гончарова, и у К. де Местра сразу же обозначается место действия: комната, где безотлучно находится «путешественник», его «покой». Причём суженности пространства, ограниченности места оба автора противопоставляют безбрежность мечты, воображения. Так, в «Путешествии...» акцент делается на философско-психологическом, а не на социально-нравственном смысле ситуации. Приглашая читателей к воображаемому путешествию, К. де Местра предельно обобщает её:

...Следуйте за мною все те, которых неудача в любви, разрыв дружбы удерживают в ваших покоях, удаляя от низости и вероломства людей. Да не отстают от меня все несчастные, больные и скучливые со всего света. Да соберутся в кучу все ленивые... Никакое препятствие не остановит нас, и мы, предавшись весело своему воображению, последуем за ним повсюду, куда ему угодно будет нас вести (ППМК, с. 7).

Примечательно, что общим для этих писателей оказывается ряд коннотаций и нравственных оппозиций.

И тот, и другой указывают на местоположение комнаты: К. де Местр в условно «географическом» ключе (*Комната моя лежит под сорок осмым градусом широты по измерению отца Бекария и находится между востоком и западом...* (ППМК, с. 13)), Гончаров – в конкретно-социальном (*В Гороховой улице, в одном из больших домов...* (О, с. 7)). К тому же обеим зарисовкам свойственна ощутимая доля юмора. В метафизическом смысле пространство Обломова тоже располагается между Востоком и Западом. Находясь в Петербурге, он одет в халат «настоящий восточный», «из персидской материи», «без малейшего намёка на Европу» (О, с. 8) (подробнее об этом см. [8]).

Далее (и в том, и в другом случае) идёт описание интерьера, где центральное место занимают: у К. де Местра – кровать, у И.А. Гончарова – диван.

Любимейшее занятие героя «Путешествия...» – лёжа в кровати предаваться неге и мечте, удаляясь, как и Обломов, от шума и многочисленных собраний:

Признаюсь, люблю наслаждаться этими сладкими минутами, и всегда сколько можно стараюсь продлить удовольствие, находимое мною в размышлении в приятной теплоте моей постели (ППМК, с. 18).

У К. де Местра настоящий гимн кровати – ложу, где человек рождается, вкушает счастье супружеской и материнской любви, предаётся мечтам и надеждам и здесь же оканчивает свою жизнь:

Есть ли какое зрелище, которое питало бы более воображение, возбуждало бы такие нежные идеи, как та мебель, в которой я иногда забываюсь. <...>

Мы родимся и умираем на постели; она есть переменчивый театр, на котором род человеческий играет по очереди занимательные драмы, смешные комедии и страшные трагедии. Это колыбель, украшенная цветами, трон любви, – гробница (ППМК, с. 18).

В романе Гончарова (в силу особенностей мироощущения) исключено ложе любви, ничего не говорится о счастье любовника, который «в первый раз прижимает в своих объятиях добродетельную супругу» (ППМК, с. 18), но есть и кровать с белоснежными подушками в доме Агафьи Матвеевны, и колыбелька Илюши, и «гроб» остального его существования (О, с. 481). Акцентированное изображение в «Обломове» той «приятной мебели», на которой «в продолжение целой половины жизни забываем мы горести другой половины» (ППМК, с. 18), особенно роднит русского писателя с французским.

В «Путешествии...» К. де Местра упоминаются также занавеси, скрывающие «переменчивый театр» жизни, и лучи солнца за ними. Подобно этому, «театр Обломова являет собой уникальный образный способ взглядывания в движение жизни как в театральное зрелище», сопряжённое с мотивами *teatrum mundi* и *vanita vanitas* [9, с. 254]. Пространство обломовщины, будь то деревня или комната, замкнуто: стены, двери, занавеси огораживают его (об этом см. также [10]). Опущенные шторы и солнце за окном (чаще заходящее) – сквозной образ гончаровского романа (см. [11]).

В-третьих, можно заметить сходство в изображении не только пространства, но и времени. Например, в «Путешествии...» «часы скользят над вами и безмолвно упадают в вечность, не давая чувствовать горестного их течения» (ППМК, с. 16). Если в первой части гончаровского «Обломова» часы воплощают неостановимый ход времени: *Пробило половина десятого* (О, с. 11); *Прошло с четверть часа* (О, с. 12); *Через несколько минут пробило ещё полчаса* (О, с. 16); *Три часа бьёт* (О, с. 96); *Пятого половина* (О, с. 152) и т. д., то в «Сне Обломова» и в домике на Выборгской стороне мы слышим только звук маятника в тишине, без указаний на конкретное время:

Ни стуку карет, ни хлопанья дверец; в передней на часах мерно постукивал маятник да пели канарейки; но это не нарушает тишину, а придаёт ей только некоторый оттенок жизни (О, с. 323).

В-четвёртых, близость антропологических воззрений обнаруживается у обоих авторов в трактовке центрального героя. Если говорить словами К. де Местра, то 1) «человек есть двойствен» (ППМК, с. 22); 2) он состоит из души и тела, и «это тело Бог знает в чём не обвиняют, и верно напрасно», потому что это «животная часть», не способная ни чувствовать, ни мыслить (ППМК, с. 23); но 3) есть также другая субстанция в человеке, «истинно неделимая», имеющая «своё отдельное бытие, свой вкус, свои склонности, свою волю» и одарённая «гораздо совершеннейшими органами» (ППМК, с. 23).

Рассуждая о взаимоотношениях души и тела, герой К. де Местра замечает, что «душа может повелевать животную часть и что, напротив к неудовольствию, сия последняя очень часто заставляет душу поступать противно своей воле» (ППМК, с. 23–24). Всё это созвучно горестным раздумьям Обломова (в ясную, сознательную минуту его жизни), почему он в это утро, намереваясь

сделать многое, не сделал ничего: не умылся, не изложил план на бумагу, не написал ни к исправнику, ни к домовому хозяину, ни к губернатору, «счетов не поверил и денег не выдал» (О, с. 98). «Так он и не додумался до причины; язык и губы мгновенно замерли на полуслове... Вместо слова послышался ещё вздох, и вслед за тем начало раздаваться ровное храпенье безмятежно спящего человека» (О, с. 100). А ведь причина – власть тела, привыкшего к покою и парализующего робкую душу, ум и волю Обломова.

Сравните:

Крайнее искусство остроумного человека состоит в том, чтобы уметь приучить свою животную часть, дабы она могла быть одна, между тем когда душа, освобождённая от сей тяжкой связи, могла бы возвыситься даже до небес (ППМК, с. 24).

Надо признать, что этим искусством Обломов вполне овладел. Ограничив потребности тела только сном, приучив его обходиться без всяких иных телесных наслаждений, он дарует душе свободу «от вещества»: она пускается «вожировать» одна, когда ей вздумается, вспоминать прошедшее и жить в будущем...

В-пятых, оба автора явно нацелены на то, чтобы вызвать сочувствие, сопереживание и добрую усмешку читателя по отношению к своему герою.

Читатель, на чьё понимание герой К. де Местра надеется (в духе в сентименталистской традиции), «не может не быть доволен самим собою, ежели со временем дойдёт до того, чтобы приучить душу свою, чтоб она путешествовала одна; удовольствия, кои доставит ему сия способность, превьсят, впрочем, все ошибки, могущие из того последовать» (ППМК, с. 31–32). Приведём, кроме того, отрывок «Путешествия...», который поразительно соотносится с мечтами Обломова, когда тело его погружено в сон и душа путешествует свободно:

Вечное и никогда ненасытимое желание человеческое не в том ли состоит, чтобы умножить свою власть и способность желать быть там, где его нет, вспоминать прошедшее и жить в будущем? Он хочет повелевать войсками и председатель в учёных собраниях, быть обожаемым красавицами; а когда имеет всё сие, тогда жалеет о полях и спокойствии и завидует пастушьему шалашу; преднамерения, надежды его беспрестанно разбиваются о камни действительных несчастий, соединённых с природой человеческой: он не может найти благополучия. Четверть часа путешествия со мною покажет ему дорогу к оному (ППМК, с. 33).

Обломов тоже «любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем», устроить в мечтах «новые крестовые походы», решать «участь народов», разорять города, щадить, казнить, оказывать «подвиги добра и великодушия» (О, с. 68). Во сне он видит Обломовку, рисует в мечтах свой идеал жизни в деревне, воображает Ольгу в подвенечном платье и будущую жизнь с ней, но «у него как будто тяжёлый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования» (О, с. 99).

Метафорический образ камня на пути героя, как видим, оказывается также общим для рассматриваемых писателей. Более того, удивительные параллели обнаруживаются в описании взаимоотношений героя со слугой. У К. де Местра

многое предваряет гончаровский роман: долгое стояние «человека» у кровати хозяина, любящего «размышлять в приятной теплоте постели» (ППМК, с. 45), нарочно производимый слугой шум и т. д. При этом хозяин притворяется, будто ничего не слышит или, ища предлогов остаться в объятиях сна, приказывает «премножество ненужных вещей, единственно для того, чтобы продлить время» и оттянуть «час дел и скуки», находящийся ещё «в песочнике времени» (ППМК, с. 46). Статике реального пространства противостоит динамика уходящего времени.

В-шестых, небезынтересно сопоставление «реквизита» двух сочинений, где сходным образом противопоставлены «фрак» и «шляфрок» героя, путешествующего в своей комнате и слышащего сквозь сон стук чашек и кофейника (ППМК, с. 150, 155). Характерно, помимо прочего, упоминание в «Путешествии...» о надетых наизнанку чулках (ППМК, с. 48). Чуть иначе у Гончарова – чулки разные и рубашка наизнанку (О, с. 195).

Свой шляфрок герой К. де Местра именует «дорожным платьем», в которое он в ожидании «времени отъезда» закутывается с головой для «способнейшего размышления» (ППМК, с. 53). Между тем голова его сваливается на грудь, и он отправляется в «прелестную страну воображения» (ППМК, с. 177).

Воспевая «покрой и пользу сего одеяния» (ППМК, с. 155), К. де Местра предвосхищает Гончарова в аспекте восточных мотивов, в плане философии абсолютного покоя:

Дорожное моё платье для зимы сделано из самой тёплой и мягкой материи, какую только я мог найти: оно закрывает меня совсем с головы до ног; и когда я сижу в моих креслах, положа руки в карманы, а голову всунув в воротник платья, то уподоблюсь статуе Висну, без ног и рук, как они находятся в капищах Индейских (ППМК, с. 155).

Для мечтательного путешествия такая одежда признаётся единственно возможной, подобно тому, как фрак или мундир уместны на службе, но совершенно не нужны путешествующим по своей комнате и устремляющимся в «восхитительную страну, вмещающую в себя все блага и все сокровища света» (ППМК, с. 178).

Отмеченные совпадения, несмотря на свою многочисленность, могут показаться частными (случайными), однако это не так. Сходство анализируемых произведений обнаруживается на уровне как нравственно-философской проблематики, так и мотивной структуры и символических обобщений.

«Прелестная страна воображения», которую благое Существо даровало человеку «в замену подлинности», предстаёт царством свободы, обширнейшим, открытым пространством, где «вся вселенная, беспредельность и вечность» (ППМК, с. 177) покорны герою, тогда как повседневная действительность для него – бремя и оковы. Парадоксально, но именно так воспринимает герой К. де Местра окончание срока своего заключения на гауптвахте (запрет ходить по городу), мнимое, как он считает, освобождение:

Сего дня некоторые люди, от коих я завишу, хотят возвратить мне свободу – как будто они у меня её отняли! (ППМК, с. 177).

Причём, как это будет и в романе И.А. Гончарова, противопоставленность мечтательной свободы и действительного заточения, подлинности и воображения, открытого и замкнутого пространства не абсолютна.

Герой К. де Местра вдруг явственно обнаруживает свою двойственность. Жалея о мысленных наслаждениях, он ясно сознаёт, что ему нужны воздух и небо и что «уединение подобно смерти» (ППМК, с. 178).

В «Обломове» пограничным образом в системе пространственных отношений становится дверь. Она оберегает покой души Ильи Ильича от суетного мира-театра, но и ограждает его от пространства жизни. Перед дверью, которая открывается, стоит показанный в последних строках «Путешествия...» одетым герой К. де Местра. По ту сторону «границы» – под обширными аркадами улицы По, самой красивой и самой широкой улицы Турина, где «тысячи прелестных видов» толпятся вокруг (ППМК, с. 179), извне теперь он взирает и на дверь, и на дом, и на лестницу, содрогаясь от радости и заранее сострадая своему бедному телу.

Следует сказать, что полуотворенная дверь – образ возможного, но неосуществлённого выхода – нередко фигурирует в «Обломове» (подробнее см. [8]).

Не располагая данными о знакомстве И.А. Гончарова с «Путешествием по моей комнате» (хотя, насколько мы можем судить, это сочинение было хорошо известно в России), вряд ли стоит говорить о прямых заимствованиях автора «Обломова» из книги К. де Местра, доказывая непосредственное влияние французского писателя на русского романиста. Дело, видимо, в самой творческой задаче Гончарова. Если путешествие являлось для него идеальной формой человеческой активности, то пассивный герой должен был быть воплощён в жанре «антипутешествия», или «вояжа» по его комнате.

Сочинение К. де Местра примыкает к традиции стернианства с его иронической трактовкой сентиментального путешествия. Русский и французский писатели сближаются благодаря тому, что имеют общий источник творчества – наследие Л. Стерна. Оба солидаризуются с английским автором в том, что «ничего не может быть... милее свободы» (ЖиМТШД, с. 503), но не связывают это исключительно со свободой передвижения.

На одном из обедов Ольга Сергеевна с любопытством спрашивает у Обломова: «Что же вы читаете?». Тот ей отвечает: «Я, точно, люблю больше путешествия...» (О, с. 30). Но сам, как известно, ни в какое путешествие не отправился, напротив, он жалуется Штольцу на доктора, посоветовавшего ему ехать «в Египет или в Америку» (О, с. 169). Показательно, что в разговоре Обломова с доктором, намечающим маршрут для лечения Ильи Ильича, ирония в равной степени обращена и на того, и на другого.

Возможность представить каждое явление в двойном аспекте, игра противоречий, ироническая подсветка крайностей – всё это также восходит к стернианству, обогатившему юмором и особой иронией многомерную картину мира, созданную русской литературой.

К слову, И.А. Гончарова и К. де Местра объединяет ещё одна биографическая черта. За несколько лет до написания «Путешествия...» автор книги совершил полёт на воздушном шаре и едва не лишился жизни в результате крушения, но художественное воплощение получила у него комната, в которой герой находился безвыходно. Гончаров, домосед по натуре и любитель комфорта, в 1852 г.

отправился в кругосветное морское путешествие, итогом которого стала книга путевых очерков, однако литературный шедевр ему удалось создать, повествуя о неподвижности.

Этико-эстетическая воля И.А. Гончарова обращена «к покою как верховному состоянию мира» [12, с. 31]. Как отмечает В.А. Котельников, «в Обломове телесно-чувственный покой восходит к покою душевному и далее – к покою духовному, к области надприродного покоя, где возможно достижение абсолютного блага» [12, с. 30]. По мнению исследователя, художественное выражение покоя было доведено Гончаровым «до небывалой сгущённости» [12, с. 30]. Поэтизация неминуемо влекла за собой иронию по отношению к перемещению, непоседливости, суетливости.

В романе «Обломов» Гончаров со свойственным ему художественно-критическим осмыслением разных культурно-исторических эпох представляет все жанрово-стилевые разновидности путешествия. Своё произведение он строит таким образом, что не обогащение познаний в странствиях, не хозяйственно-экономические устремления, не посещение мировых курортов (то есть всё то, что связано с изменением положения в пространстве), а жизнь души становится основой сюжета и более всего привлекает автора. Таким образом, традиция сентиментального путешествия с его редукцией внешнего маршрута, минимизацией передвижения и актуализацией внутреннего мира, а кроме того, иронией, характерной для стернианской разновидности сентиментализма, стала для романиста источником новых художественных открытий.

Источники

- ФП – *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада» // Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1979. – Т. 2. – 334 с.
- ППМК – *де Местр К.* Путешествие по моей комнате. – М.: Тип. Кряжева, Готы и Мея, 1802. – 180 с.
- О – *Гончаров И.А.* Обломов // Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1979. – Т. 4. – 534 с.
- ЖиМТШД – *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена // Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. – М.: Худож. лит., 1968. – С. 25–497. – (Б-ка всемир. лит. Сер. первая, т. 81)

Литература

1. *Акутин В.* Александр Вельтман и его роман «Странник» // Вельтман А. Странник. – М.: Наука, 1978. – С. 247–300.
2. *Лотман Ю.М.* «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и их роль в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1987. – С. 525–606.
3. *Соловьёв А.Ю.* Поиск счастья «русским путешественником» (сентиментальный сюжет «Путешествия в полуденную Россию» В.В. Измайлова) // Рус. лит. – 2011. – № 3. – С. 139–147.

4. *Сорочан А.* Туда и обратно: новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // НЛО. – 2011. – № 112. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/so36.html>, свободный.
5. *Шёнле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. – СПб.: Акад. проект, 2004. – 272 с.
6. *Эйхенбаум Б.М.* О литературе: Работы разных лет. – М.: Сов. писатель, 1987. – 544 с.
7. *Божович М.* Большое путешествие «Обломова»: Роман Гончарова в свете «просветительской поездки» // НЛО. – 2010. – № 106. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/bo12-pr.html>, свободный.
8. *Сапченко Л.А.* Образы пространственной границы в романе Гончарова «Обломов» // Материалы V Междунар. Гончаровской конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. И.А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. – С. 123–130.
9. *Холкин В.И.* Театр для себя (Два романа Гончарова. Сценическая вероятность) // Обломов: константы и переменные: Сб. науч. ст. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 253–261.
10. *Сапченко Л.А.* Халат Карамзина // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Рус. филология. – 2016. – № 2. – С. 89–101.
11. *Ермолаева Н.Л.* Солярно-лунарные мифы в контексте романа И.А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И.А. 190 лет: Материалы Междунар. конф. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 73–81.
12. *Котельников В.А.* «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // Рус. лит. – 1994. – № 1. – С. 3–41.

Поступила в редакцию
26.11.17

Сапченко Любовь Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова
пл. Ленина, д. 4/5, г. Ульяновск, 432071, Россия
E-mail: bunina56@mail.ru

**“A Journey around His Room”:
Genre Uniqueness of I.A. Goncharov’s Novel “Oblomov”***L.A. Sapchenko**Ulyanovsk state pedagogical university of I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, 432071 Russia**E-mail: bunina56@mail.ru*

Received November 26, 2017

Abstract

The paper is the first attempt to reveal the genre specificity of I.A. Goncharov’s novel in the light of the parodic variety of sentimental travel (“A Journey Around My Room” by Xavier de Maistre). It has been noted that the plot of journey in the work by I.A. Goncharov, which is connected, as it would seem, only with the book of essays “Frigate Pallas”, is actually present in all three novels of the writer, showing itself as a theme or a motive and as a symbolic image or an ideal form of human activity. The author gives a number of examples proving that the novel “Oblomov” can be defined as “anti-travel”: as a book about a man who “did not go”: did not travel through Europe, did not go to the springs, did not visit Oblomovka, did not keep his promise to come to Paris... The comparative-historical method of analysis (historical-typological and “contact”) have been used during the research. As a result, the following conclusions have been drawn: 1) the artistic entity of the novel contains the genre signs of “anti-travel”; 2) this genre component represents the actualization of the sentimentalist tradition in a parody aspect and in part - the transformation of Xavier de Maistre’s famous book “A Journey Around My Room”; 3) the commonality of the two works reveals itself at various levels: at the genre level, the central character and the plot and in the system of characters and in the figurative and symbolic system. The version of the title translation adopted by the researchers (“A Journey around My Room” as opposed to “A Journey through My Room”) does not enclose the character within the space of his home but brings him out into the limitless imagination. The most important of the results obtained is the following: the tradition of sentimental travel, with its reduction of the external space, minimization of movement and actualization of the inner world, with irony characteristic of the Sternian variety of sentimentalism, turns out to be kindred to Goncharov. The obtained results are important for understanding the genre specificity of the novel “Oblomov”, for recreating the historical and literary context, for determining the place of I.A. Goncharov’s work in the history and theory of the travel genre, and for preparing comments for the complete collection of works by I.A. Goncharov.

Keywords: genre of travel, anti-travel, Sternian variety of sentimentalism, "A Journey around My Room" by Xavier de Maistre, “Oblomov” by I.A. Goncharov, transformation of tradition

References

1. Akutin V. *Aleksandr Vel'tman i ego roman "Strannik"* [Alexander Veltman and His Novel “Wanderer”]. In: Veltaman A. *Strannik* [Wanderer]. Moscow, Nauka, 1978, pp. 247–300. (In Russian)
2. Lotman Yu.M. “Letters of a Russian traveler” by N.M. Karamzin and their role in the development of Russian culture. In: Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvenika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad, Nauka, 1987, pp. 525–606. (In Russian)
3. Solov'ev A.Yu. Searching for happiness by “the Russian traveler” (the sentimental plot of “Journey to the Midday Russia” by V.V. Izmailov). *Russkaya Literatura*, 2011, no. 3, pp. 139–147. (In Russian)
4. Sorochan A. There and back: New studies of travel literature and methodology of humanities. *NLO*, 2011, no. 112. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/so36.html>. (In Russian)

5. Schönle A. *Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790–1840*. St. Petersburg, Akad. Proekt, 2004. 272 p. (In Russian)
6. Eikhenbaum B.M. *O literature: Raboty raznykh let* [On Literature: Works of Different Years]. Moscow, Sov. Pisatel', 1987. 544 p. (In Russian)
7. Bozovic M. A big trip of “Oblomov”: Goncharov’s novel in the light of the “educational trip”. *NLO*, 2010, no. 106. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/bo12-pr.html>. (In Russian)
8. Sapchenko L.A. Images of the spatial boundary in the novel “Oblomov” by Goncharov. *Materialy V Mezhdunar. Goncharovskoi konf., posvyashch. 200-letiyu so dnya rozhd. I.A. Goncharova* [Proc. V Int. Int. Goncharov Conf. Dedicated to the 200th Birth Anniversary of I.A. Goncharov]. Ulyanovsk, 2012, pp. 123–130. (In Russian)
9. Kholkin V.I. Theater for yourself (Two novels by Goncharov. Stage probability). In: *Oblomov: konstanty i peremennye* [Oblomov: Constants and Variables]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2011, pp. 253–261. (In Russian)
10. Sapchenko L.A. Karamzin’s bathrobe. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya Russkaya Filologiya*, 2016, no. 2, pp. 89–101. (In Russian)
11. Ermolaeva N.L. Solar-lunar myths in the context of I.A. Goncharov’s novel “Oblomov”. *Goncharov I.A. 190 let: Materialy Mezhdunar. konf.* [Goncharov I.A. 190 Years: Proc. Int. Conf.]. Ulyanovsk, 2003, pp. 73–81. (In Russian)
12. Kotel’nikov V.A. “Peace” in religious-philosophical and artistic contexts. *Russkaya Literatura*, 1994, no. 1, pp. 3–41. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Сапченко Л.А. «Путешествие вокруг его комнаты»: жанровое своеобразие романа И.А. Гончарова «Обломов» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 1. – С. 91–101. ⟩

⟨ **For citation:** Sapchenko L.A. “A journey around his room”: Genre uniqueness of I.A. Goncharov’s novel “Oblomov”. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 1, pp. 91–101. (In Russian) ⟩